

Отрывокъ изъ путевыхъ замѣтокъ Диккенса.

Посѣщеніе пріюта слѣпыхъ въ Бостонѣ.

Всѣ эти дни, въ Чеддлю о Слѣпомъ“, въ городскихъ и монастырскихъ церквахъ производится кружечный сборъ въ пользу слѣпыхъ. Изъ помѣщоннаго недавно въ газетахъ письма председателя Маринскаго попечительства для призрѣнія слѣпыхъ можно сдѣлать отрядное заключеніе о сознаніи правительства и обществомъ необходимости придти на помощь несчастнымъ, лишеннымъ зрѣнія. Теперь, однако, недостаточно ограничиться устройствомъ богадѣленъ, гдѣ слѣпые могли бы томительно влачить жизнь безъ пользы для себя и для другихъ, а слѣдуетъ озаботиться открытіемъ такихъ пріютовъ и училищъ, въ которыхъ можно было бы путемъ гуманнаго и просвѣщеннаго труда хотя отчасти восполнить органическій недостатокъ этихъ несчастныхъ. Чтобы составить себѣ понятіе, какихъ результатовъ можно достигнуть въ этомъ направленіи, будетъ вѣстать вспомнить сердечный рассказъ Диккенса о посѣщеніи имъ почти полвѣка тому назадъ одного изъ пріютовъ въ Америкѣ.

Пріютъ слѣпыхъ въ Бостонѣ состоитъ въ вѣдѣніи нѣсколькихъ попечителей, которые даютъ ежегодный отчетъ о состояніи заведенія обществу, его основавшему. Туда поступаютъ безплатно всѣ неимущіе слѣпые родного штата. Изъ сосѣднихъ штатовъ общество принимаетъ слѣпыхъ за небольшую плату въ первые два года. За-

тѣмъ уже они должны своими заработками покрывать расходы на свое содержаніе. Такъ какъ цѣль этого пріюта—образованіе трудолюбивыхъ работниковъ, то тѣ изъ воспитанниковъ, которые по какимъ-либо физическимъ или умственнымъ недостаткамъ оказываются неспособными къ труду и, слѣдовательно, не могутъ сдѣлаться полезными членами рабочаго общества, исключаются и поступаютъ въ богадѣльни.

Я отправился осматривать этотъ пріютъ въ одно прекрасное зимнее утро, когда небо и воздухъ были такъ чисты и прозрачны, что даже мои близорукіе глаза могли разглядѣть самые мелкіе предметы на далекомъ разстояніи. Какъ и большинство подобныхъ заведеній въ Америкѣ, оно устроено за городомъ, въ здоровой, живописной мѣстности. Это—громадное красивое зданіе, расположенное на холмѣ, съ котораго видна вся гавань. Остановившись у двери, я невольно залюбовался обширною, свѣтлою прекрасно панорамною, вдругъ развернувшеюся передо мною, въ которой я легко различалъ малѣйшія подробности, даже крошечные водяные пузырьки, поминутно появлявшіеся и блестящіе на поверхности океана и появленіемъ своимъ какъ бы свидѣтельствовавшіе о томъ избыткѣ порывавшагося наружу свѣта, который это сверкающее прелестное утро дарило даже подводному царству; я могъ слѣдить за далекими парусами, бѣлѣвшими то тамъ, то сямъ и исчезающими на лазуревомъ горизонтѣ въ видѣ блестящаго пятнышка, въ видѣ единственнаго облачка, нарушавшаго

его гармонию, и Боже мой! какъ сердце мое сжалось, когда, оглянувшись, я вдругъ увидѣлъ около себя слѣпюго мальчика, лицо котораго было обращено въ ту же сторону, какъ будто и онъ чувствовалъ всю прелесть и безпредѣльность этой картины. Тутъ я невольно, ради него, пожалѣлъ, что все вокругъ такъ ясно, свѣтло и роскошно.

Дѣти, за исключеніемъ немногихъ, кончившихъ занятія и забавлявшихся играми, учились въ разныхъ комнатахъ. Въ этомъ заведеніи, какъ и во многихъ другихъ въ Америкѣ, нѣтъ формы для воспитанниковъ, что мнѣ чрезвычайно нравится, потому что форма въ сущности бессмыслица и мѣшаетъ посѣтителю видѣть ребенка въ его настоящемъ видѣ, съ его индивидуальными особенностями, которыя какъ бы сковываются однообразной форменной одеждой.

Порядокъ, чистота и комфортъ поражали на каждомъ шагу. Воспитанники разныхъ классовъ, окружившіе учителей, отвѣчали на вопросы весело, умно и какъ бы стараясь перещеголять другъ друга. Въ играхъ дѣти рѣзвились и много шумѣли. Мнѣ показалось, что въ ихъ отношеніяхъ было болѣе теплоты и сердечности, чѣмъ обыкновенно бываетъ между здоровыми дѣтьми. Меня это, впрочемъ, не удивило. Я всегда былъ убѣжденъ, что провинціи печотся объ этихъ несчастныхъ и старается чѣмъ-нибудь смягчить ихъ тяжелую участь.

Въ отдѣльномъ зданіи устроены мастерскія для тѣхъ воспитанниковъ, которые, обучившись разнымъ ремесламъ, не могутъ работать на обыкновенныхъ

фабрикахъ. При мнѣ готовили щотки, матрацы и разныя другія вещи. Здѣсь также царилъ порядокъ, замѣтно было прилежаніе и довольство выражалось на всѣхъ лицахъ.

Когда раздался звонокъ, всѣ дѣти, какъ бы по мановенію жезла, бросились въ музыкальную залу и сѣли на свои мѣста. Одинъ изъ воспитанниковъ игралъ на органѣ, и надо было видѣть, съ какимъ наслажденіемъ они слушали музыку. По окончаніи пьесы, всѣ вмѣстѣ, подъ аккомпаниментъ органа, спѣли гимнъ и какую-то хоровую пѣсню. Не смотря на все удовольствіе дѣтей, отражавшееся на ихъ довольныхъ личикахъ, сцена эта произвела на меня грустное впечатлѣніе, а одна сидѣвшая около меня слѣпая и невладившая членами дѣвушка тихо плакала, слушая ихъ пѣніе.

Въ слѣдующей комнатѣ мнѣ показали молодую дѣвушку слѣпую, глухонѣмую, лишенную чувства обонянія и отчасти чувства вкуса, прелестное юное созданіе, одаренное всѣми человѣческими способностями и стремленіемъ къ счастью и добру, и обладавшее только однимъ виѣшнимъ орудіемъ для ихъ проявленія—чувствомъ осязанія. Она представлялась моему воображенію какъ бы замуравленною въ мраморной келии, недоступной ни свѣту, ни звуку, и протягивающею свою бѣлую ручку сквозь стѣнную скважину, зовя на помощь къ человѣческой душѣ, готовой погибнуть. Зовъ ея былъ слышанъ и помощь явилась гораздо раньше, чѣмъ я ее увидѣлъ. Теперь вся она сіяла счастіемъ. Я ее засталъ вписывающей что-то въ дневникъ, работа ея лежала

тутъ же; ея граціозная умная головка была искусно причесана ея собственной рукой, платье, которое могло бы служить образцомъ простоты и изящества, было ея собственной работы. Все это ясно говорило, какъ, мало по малу, возвратилось къ жизни и развилось это милое, нѣжное, безобидное и благодарное существо.

У меня въ рукахъ нѣсколько отрывковъ изъ исторіи ея жизни, написанной тѣмъ самымъ лицомъ, которому она обязана своимъ возрожденіемъ. Сожалѣю, что не могу передать цѣлкомъ этотъ прекрасный и трогательный рассказъ *).

Лаура родилась хилымъ ребенкомъ и перенесла жестокою болѣзнь, отъ которой она вылѣчилась, но за то въ какомъ ужасномъ положеніи она была! Она лишилась всѣхъ чувствъ кромѣ чувства осязанія. Улыбка матери не могла вызвать такую же улыбку на ея уста, голосъ отца не могъ научить ее первому лепету, а братья и сестры въ сознаніи этого несчастнаго маленькаго существа отличались отъ неодушевленныхъ предметовъ только тѣмъ, что прикасаясь къ нимъ, она чувствовала теплоту и подвижность. Такъ какъ на нее нельзя было дѣйствовать разумомъ, то приходилось прибѣгать къ силѣ, и Богъ знаетъ до какого состоянія она бы дошла, еслибы не явилась своевременная помощь.

Когда ей было четыре года, я случайно услышалъ о ней и, заинтересовавшись, отправился на нее посмотрѣть. Я увидѣлъ прелестнукъ голубо-глазую

*) Мы передаемъ его въ еще болѣе сокращенномъ видѣ.

дѣвочку здороваго крѣпкаго тѣлосложенія и, повидимому, нервно-сангвиническаго темперамента. Она мнѣ такъ понравилась, что я уговорилъ родителей отдать ее въ пріютъ.

Вотъ что говорится о ней въ отчетахъ заведенія три мѣсяца спустя послѣ ея поступленія.

„Она только-что выучила ручную азбуку, употребляемую глухонѣмыми, и надо видѣть, какъ быстро, точно и старательно она выдѣлываетъ буквы; она всѣхъ удивляетъ своими способностями. Учитель подаетъ ей какую-нибудь незнакомую вещь, сначала заставляетъ ознакомиться съ ея формой, понять ея значеніе, а затѣмъ учитъ на ея собственныхъ пальцахъ складывать слово, означающее эту вещь. Все это дается ей очень легко, а всякій успѣхъ приводитъ ее въ восторгъ“.

Затѣмъ въ концѣ года читаемъ о ней слѣдующее:

„Теперь уже не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что она не видитъ, не слышитъ, и лишена чувства обонянія. Такимъ образомъ, душа ея погружена въ мракъ и безмолвіе могилы: ни прелестные виды, ни нѣжные звуки, ни ароматы цвѣтовъ для нея не существуютъ. А между тѣмъ, не смотря на все это, она кажется счастливой и беззаботной, какъ птичка. Въ дѣтскихъ играхъ голосъ ея звучитъ громче другихъ, она любитъ пошалить и порѣзвиться, а малѣйшіе успѣхи въ занятіяхъ вызываютъ радостную улыбку на ея выразительномъ личикѣ. Она чрезвычайно трудолюбива, и когда нечего пить или вязать, она повторяетъ въ умѣ пройденные уроки, считаетъ

по пальцамъ или складываетъ, по ручной азбукѣ глухо-нѣмыхъ, только что разученныя слова и, повидимому, все это дѣлаетъ размышляя. Въ настоящее время она такъ быстро передаетъ знаками слова и даже цѣлыя фразы, что только люди, давно привыкшіе къ этому языку, въ состояніи слѣдить за движеніями ея пальцевъ. Но еще изумительнѣе быстрота, съ которой она читаетъ мысли другихъ, взявши руки собесѣдника въ свои руки и жадно слѣдя за каждымъ движеніемъ его пальцевъ; и этотъ способъ ея сношеній со слѣпными товарищами служить еще однимъ нагляднымъ доказательствомъ, до чего можетъ дойти умъ человѣка, преслѣдуя извѣстную цѣль. Если трудно достигъ извѣстнаго совершенства въ передачѣ мыслей и чувствъ посредствомъ тѣлодвиженій и мимики лица, какъ, напримѣръ, въ пантомимахъ, то какія же трудности нужно преодолѣть, чтобы двое слѣпыхъ, изъ которыхъ одинъ притомъ и глухъ, могли свободно вести между собою разговоръ“.

Мы передали въ нѣсколькихъ словахъ, что узнали о ней изъ отчета заведенія. Докторъ Хоу ведетъ впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ послѣдовательный рассказъ о ея дальнѣйшемъ развитіи и о ея жизни въ стѣнахъ института. Такимъ образомъ, нравственно погнѣбавшій ребенокъ превратился въ ту предестиную дѣвочку, которую мы застали за дневникомъ. Дневникъ ея былъ написанъ прекраснымъ почеркомъ, простымъ и удобопонятнымъ языкомъ. По моей просьбѣ, учитель заставилъ ее написать что-нибудь на листѣ бумаги и, хотя строчки не были обозначены, она

писала прямо и свободно: ея лѣвая рука все время слѣдила за правой и какъ бы направляла ее. Чувство осязанія развито у нея до такой тонкости, что она узнаетъ каждого, съ кѣмъ ей хоть разъ пришлось встрѣтиться. Она долгое время и не подозрѣвала о присутствіи посѣтителей, но какъ только господинъ, сопровождавшій меня, котораго она давно не видѣла и вообще очень рѣдко встрѣчала, взявъ ее за руку, она тотчасъ же начертила его имя на ладони учителя. Когда я въ свою очередь протянулъ ей руку, она оттолкнула ее, какъ она обыкновенно дѣлаетъ съ незнакомыми мужчинами. Напротивъ, руку жены моей она долго и съ видимымъ удовольствіемъ держала въ своихъ рукахъ, даже поцѣловала ее и съ чисто женскимъ любопытствомъ осматривала ея туалетъ.

Отношенія между Лаурой и ея наставникомъ на столько же отличаются отъ обыкновенныхъ житейскихъ отношеній, на сколько обстоятельства, при которыхъ они установились, отличаются отъ обыкновенныхъ условій жизни. Теперь д-ръ Хоу старается придумать способъ для передачи ей высшихъ знаній. Онъ хочетъ дать ей надлежащее понятіе о Создателѣ вселенной, въ одномъ крошечномъ уголкѣ которой она наслаждается жизнью, не смотря на свои великія лишенія.

Вы, имѣющіе очи видѣть и не видящіе, имѣющіе уши слышать и не слышащіе, поучитесь у одного изъ малыхъ сихъ, какъ можно быть счастливымъ, довольствуясь малымъ.

Когда я всталъ, чтобы удалиться, въ комнату вбѣжалъ ребенокъ одного

изъ служащихъ въ пріютѣ, привѣтствуя отца, и это внезапное появленіе здороваго ребенка въ толпѣ слѣпыхъ дѣтей отозвалось въ моемъ сердцѣ такою же болью, какую я испыталъ два часа передъ тѣмъ при видѣ слѣпого мальчика у дверей заведенія.

Я вышелъ, и міръ Божій показался мнѣ еще свѣтлѣй и краше, чѣмъ прежде, въ сравненіи съ мракомъ, окружавшимъ такое множество молодыхъ жизней въ стѣнахъ пріюта.

